

УДК 94 (47) 902 КРЫМ, БАБЕНЧИКОВ

DOI:10.29039/2413-1741-2025-11-4-159-178

В. П. БАБЕНЧИКОВ И КРЫМСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Юрочкин В. Ю.

*Институт археологии Крыма Российской академии наук
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru*

Рассмотрена послевоенная научная деятельность крымского учёного Владимира Петровича Бабенчикова (1885–1974), имя которого долгое время оставалось малоизвестным в истории археологии. Довоенный период его музейно-красведческой работы протекал в городе Севастополе и подробно исследован В. В. Акимченковым. После Великой Отечественной войны В. П. Бабенчиков занимал должность главного хранителя Центрального музея Крыма в Симферополе. В 1945 г. П. Н. Шульц привлёк его к исследованиям Тавро-Скифской археологической экспедиции. Под его руководством с 1948 г. В. П. Бабенчиков на постоянной основе работал в Секторе истории и археологии Крымской научно-исследовательской базы и созданных на его основе научных подразделений. Основной областью его научных интересов были проблемы этнической истории полуострова, прежде всего – вопрос о древних славянах в Крыму. В. П. Бабенчиков внёс вклад в изучение могильников юго-западного Крыма первых веков нашей эры, средневековых памятников юго-восточного Крыма – городища Тепсень и округи, некрополя Неаполя Скифского, посвятив последнему кандидатскую диссертацию. Его научно-исследовательские работы проникнуты духом искреннего патриотизма, любви к своей Родине, к своему народу и его предкам. При работе над статьёй использованы ранее не вовлечённые в исследовательское поле многочисленные документы архива Института археологии Крыма РАН.

Ключевые слова: Крым, В. П. Бабенчиков, археология, Инкерманская долина, Тепсень, Коктебель, славяне, аланы, готы.

Владимира Петровича Бабенчикова нельзя назвать учёным, широко известным в археологии. Уже в 1990-е годы старшие коллеги не вполне уверенно характеризовали его как «севастопольского преподавателя», либо называли «учителем Веймарна». В целом и то и другое соответствует действительности, но явно недостаточно для понимания его роли в науке. Опубликованное им печатное наследие невелико – всего десяток работ [14, № 472–481]. Кандидатскую диссертацию он посвятил некрополю столицы Крымской Скифии. Его имя ассоциируется с раскопками Чернореченского могильника II – V вв. в Инкерманской долине, а также с исследованиями большого средневекового храма на холме Тепсень в Коктебеле. Однако вряд ли его поставят в один ряд с известными медиевистами, а уж тем более со скифологами. Между тем его послевоенная научная деятельность была крайне насыщенной и многогранной, характеризуя самый яркий и противоречивый период истории крымской археологии.

Возрождению памяти о В. П. Бабенчикове способствовали, прежде всего, монографии В. В. Акимченкова, опубликованные в научной книжной серии «Биобиблиография крымоведения», которая издаётся с 2004 года под редакцией

профессора А. А. Непомнящего [1; 2], а также ряд последующих статей [3; 4]. В них обстоятельно представлен малоизвестный довоенный краеведческо-музейный период его деятельности. На многие вопросы проливает свет опубликованная им переписка с родственником – искусствоведом М. В. Бабенчиковым. Автор данной статьи также попутно затрагивал научную судьбу В. П. Бабенчикова [61, с. 245–388; 65, с. 179–189 и др.]. Менее освещена деятельность В. П. Бабенчикова после Великой Отечественной войны, когда он стал членом коллектива крымских археологов, работавших с 1948 г. в системе Академии наук: сначала СССР, а затем УССР. Особый интерес представляет развитие его взглядов на этническую историю полуострова, отразившееся в многочисленных рукописных материалах, хранящихся в научном архиве Института археологии Крыма РАН.

*Рис. 1. В. П. Бабенчиков. 1947 г.
Фрагмент фото
(по: Акимченков, 2012)*

Кратко напомним важнейшие вехи довоенной биографии В. П. Бабенчикова. Он родился в Петербурге в 1885 г. в семье отставного офицера, участника обороны Севастополя. В 1913 г. окончил Московский университет. Недолгое время преподавал словесность в Варшавском кадетском корпусе. Покинув Польшу в начале Первой Мировой войны, он обосновался в Севастополе. После установления советской власти работал в Общеобразовательном техникуме им. М. В. Ломоносова, преподавал историю и литературу. Вместе с братом П. П. Бабенчиковым в 1923 г. стал одним из основателей Севастопольского музея краеведения, который объединил молодёжь города, интересующуюся историей. Среди воспитанников были братья Е. В. и Б. В. Веймарны, С. Ф. Стржелецкий, А. Н. Бернштам и др. Руководил также курсами экскурсоводов, вёл археологические разведки на Гераклеяском полуострове, сотрудничал с

Н. И. Репниковым и Херсонесским музеем. В отличие от старшего брата его не затронуло «Академическое дело» 1929–1930 гг. Накануне войны он стал сотрудником Военно-исторического музея Черноморского флота. В годы Великой Отечественной войны стоял у истоков создания в осажденном Севастополе Музея второй обороны. После захвата города нацистами, перебрался в Симферополь, где продолжил преподавательскую деятельность в одной из школ. После освобождения Крыма В. П. Бабенчиков работал в Центральном музее Крыма (далее – ЦМК), сначала в качестве заведующего отделом Великой Отечественной войны, а затем главного хранителя музея [4, с. 33–39] (рис. 1).

Новый этап в его жизни начался летом 1945 г., когда в Крым из Москвы прибыла Тавро-Скифская экспедиция (далее – ТСЭ) Государственного музея изобразительных искусств (далее – ГМИИ) и Института истории материальной культуры (далее – ИИМК) под руководством кандидата исторических наук, профессора П. Н. Шульца. Состав ТСЭ включал сотрудников различных научных и музейных учреждений [56, с. 260–262]. Были ли до этого знакомы В. П. Бабенчиков и П. Н. Шульц – не ясно, но, 16 августа 1945 г. они встретились в здании ЦМК, откуда отправились осматривать помещение для базы экспедиции в «Петровской балке <... >, д. 19 у Степиных». В. П. Бабенчиков был назначен «зав. участком», что вполне закономерно, учитывая, поскольку он оказался единственным в Симферополе, имевшим прежний опыт занятий археологией. Более того, он ставил вопрос об участии в работах ТСЭ местных историков и краеведов. Уже в самом начале раскопок на заседании ЦМК с участием местной творческой интеллигенции В. П. Бабенчиков «говорил о преемственной связи искусства скифов и русского художественного ремесла» [48, л. 5, 8 19].

В составе ТСЭ В. П. Бабенчиков начал исследование вырубных склепов скифской столицы, сохранивших следы росписи [59, с. 106–110]. В них он усматривал элементы, родственные культуре славян, хотя в письмах был менее категоричен [3, с. 94]. Открытия были крайне перспективные и требовали продолжения, поэтому руководитель ТСЭ ходатайствовал перед руководством ЦМК о закреплении за В. П. Бабенчиковым научно-исследовательской темы «Катакомбы Неаполиса». Его статья с аналогичным названием планировалась для сборника «Скифы в Крыму. Материалы и исследования Тавро-Скифской экспедиции (к 120 летнему юбилею со дня начала исследований Неаполиса)», который П. Н. Шульц предполагал издать под грифом ГМИИ [48, л. 222, 231].

Судя по всему, «скифская» тема в научной работе В. П. Бабенчикова возникла в определённой степени случайно. Его же больше привлекал иной аспект: этно-историческое прошлое полуострова, для которого центральными в это время становились «готский» и «славянский» вопросы. В сентябре 1945 г. на сессии Учёного совета ЦМК, он выступил с докладом «Готы в Крыму», вызвавшим оживлённую дискуссию [48, л. 60, 107]. Эта тема воспринималась довольно болезненно на полуострове, поскольку активно использовалась фашистскими оккупантами в качестве оправдания территориальных притязаний [61, с. 327–344]. Ещё до войны В. П. Бабенчиков был опосредованно связан с одиозным «готским вопросом». Во-первых, он был участником экспедиций на Эски-Кермене, а во-вторых, его первая научная статья называлась «Из истории Крымской Готии» [6]. Правда речь в ней шла не о проблеме средневековых германцев, а о восстании под руководством св. Иоанна Готского против захватчиков-хазар. Однако само наименование в ту беспокойную эпоху могло быть чревато для автора [23, л. 18]. Текст этого доклада не сохранился, однако к данной теме учёный возвращался и позднее, поэтому можно судить о его направленности. Непубликованная статья, подготовленная между 1949–1950 гг., вероятно, демонстрирует его расширенный вариант. В ней В. П. Бабенчиков предлагал «размыть» этническую составляющую

проблемы, указывая на путаницу в сообщениях древних авторов. Готы же рассматривались как малочисленная часть населения, волею случая, оказавшаяся в крымской стране Дори. Её население, утверждал он, составляли потомки разных племён, включая даже русских, а поэтому к ним следует применять особый термин «дориты». Вспоминал он и прежние недоразумения относительно готского языка, за который ещё в XVIII в., якобы, принимали идиш [63, с. 295–300].

Поднятый В. П. Бабенчиковым вопрос о скифском наследии в славянской культуре не был случайным. Актуализация этой проблемы стала своеобразной реакцией на «готский вопрос». П. Н. Шульц, поначалу относившийся к проблеме довольно скептически, был вынужден признать: общественное мнение требует исследований именно в этом направлении и В. П. Бабенчиков, сыграл в этом не последнюю роль [65, с. 180–181]. Идея о древних славянах в Крыму ещё не имела строгого научного обоснования, а повышенный интерес к ней был обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, ростом патриотических настроений после победы. Во-вторых, старым этно-генетическим мифом о происхождении славян от скифов. Он возник ещё до революции и поддерживался рядом археологов. И в советское время большинство учёных не отрицало участие скифов в этногенезе славян. Правда, это касалось лишь племён Поднепровья. Однако, учитывая господствующую «автохтонную» парадигму Н. Я. Марра, можно было допускать, что подобное явление имело место и в Крыму [66, с. 180–181]. Эту версию и поддерживал В. П. Бабенчиков в своих лекциях [20, л. 6–7]. На сессии 1946 г. в Симферополе он представил доклад «Славяне в Крыму». Основываясь преимущественно на нарративных источниках, он почему-то не затронул период Тмутараканского княжества. Присутствующим показалось это странным. В. П. Бабенчиков пояснил: данный факт сам собой очевиден, а своим докладом «хотел выяснить, насколько интересна затронутая им тема» и стоит ли продолжать изыскания в этом направлении [34, л. 27].

Наиболее удачным для ТСЭ выдался 1946 г., когда на городище Неаполя был открыт мавзолей скифской знати. В. П. Бабенчиков продолжил изучение городского некрополя [17, с. 36]. О результатах он сообщал на научной сессии этого года [34, л. 1].

В 1946 г. после демобилизации к археологическим разведкам в качестве начальника Бахчисарайского отряда ТСЭ возвратился сотрудник Государственного исторического музея (далее – ГИМ) Е. В. Веймарн, которому вскоре была присвоена учёная степень кандидата исторических наук [68, с. 195]. В то же время заместитель директора Музея пещерных городов (далее – МПГ) П. П. Бабенчиков провёл у подножия Чуфут-Кале небольшие охранные раскопки грунтового могильника. Из захоронений в склепах V–VII вв. происходили двухпластинчатые фибулы, орлиноголовые пряжки и т.п. Аналогичные некрополи после раскопок Н. И. Репникова в Суук-Су, обычно рассматривали как «могильники области крымских гот». Однако в новых условиях подобная атрибуция явно была неуместна [61, с. 372].

В 1947 г. под руководством П. Н. Шульца, при поддержке советских и партийных органов Крымской области, началась активная подготовка к созданию автономной научно-исследовательской структуры АН СССР. Дабы укрепить позиции историков, в период работы ТСЭ прошла третья по счёту сессия с участием известных учёных, на этот раз приуроченная к 120-летию исследований Неаполя. На этой сессии, помимо выступления о склепах Неаполя, В. П. Бабенчиков сделал доклад «Аланы в Крыму». Выступал и П. П. Бабенчиков в связи с недавними раскопками могильника Чуфут-Кале – «аланских Фулл». Братья предложили считать подобные памятники не «готскими», а атрибутировать их как захоронения крымских алан. Из этого следовало, что в стране Дори (на территории которой они расположены) именно аланы составляли большинство населения. При этом они вели оседлый образ жизни и долго сохраняли свой «народный облик». Примечательно, что речь шла не об ираноязычных переселенцах, а коренных жителях полуострова – участниках процесса «складывания славянских племён и славянизации Крыма» [33, л. 1–6, 10–12, 40–43, 45–47, 58–59]. В том же году П. П. Бабенчиков скоропостижно скончался, а Е. В. Веймарн, считавший его одним из своих наставников, заканчивая научный отчёт о раскопках могильника, признал «аланскую» версию [61, с. 373]. Вопрос об аланах в Крыму затрагивался ещё до революции, но в основном попутно. Благодаря братьям Бабенчиковым, он вышел на новый, теперь уже археологический уровень.

П. Н. Шульц, предполагая, что костяк будущей академической структуры составят участники ТСЭ, особые надежды возлагал на В. П. Бабенчикова, предложив ему защитить кандидатскую диссертацию «Склепы Неаполя Скифского». Последний, судя по всему, уже к середине 1947 г. подготовил черновик работы [18]. Правда, в письмах высказывал опасения в связи с технической стороной предприятия [3, с. 94–97, 99].

Крымская научно-исследовательская база АН СССР (далее – КНИБ) создана в конце 1947 г. Её структурным подразделением стал Сектор истории и археологии (далее – СИА), под руководством П. Н. Шульца. Одним из важнейших направлений было заявлено «изучение истории Крыма как неотъемлемого звена истории народов СССР и русской истории» [40, л. 1]. После увольнения директора ЦМК В. П. Бабенчиков временно исполнял его обязанности, а вопрос о полном переходе в СИА был разрешён только к лету 1948 г. Первоначальные планы П. Н. Шульца были гораздо обширнее: создание ряда археологических заповедников, в том числе и на Неаполе Скифском. В. П. Бабенчиков рассматривался в качестве его руководителя. Однако учёного интересовало, прежде всего, занятие наукой, и он тяготился возможной административной нагрузкой [3, с. 98]. Правда статус заповедника так и не был утверждён, а охрану и порядок в нем осуществлял завхоз СИА М. А. Фронджуло [40, л. 95].

Формально тему «Славяне в Крыму», рассчитанную на 1948–1952 гг. возглавлял директор КНИБ и ИИМК АН СССР А. Д. Удальцов. В. П. Бабенчиков, зачисленный на должность младшего научного сотрудника, являлся её исполнителем, при этом не оставляя исследований некрополя Неаполя Скифского [36, л. 3–4]. Она должна была завершиться монографией, где на основании письменных источников и памятников

материальной культуры рассматривался бы вопрос о роли полуострова в общем процессе этногенеза восточных славян. В плане работ над ней отмечалась необходимость масштабных полевых археологических исследований городищ и могильников: в первую очередь в Коктебеле, Судак (Сурож), а также в Керчи (Корчеве), т.е. в тех местах, которые территориально тяготели к Тмутараканскому княжеству. Монография должна была обосновывать тезис: «Крым – издревле русская земля» и служить для «обогащения музеев Крымской области местным славянским материалом и для проведения культурно-просветительной работы среди нового населения Крыма» [41, л. 11–20, 31, 32].

Осенью 1948 г. прошла очередная сессия по истории Крыма. На ней В. П. Бабенчиков снова выступал с докладом «Славяне в Крыму» [32, л. 80]. При обсуждении возникла дискуссия, в основном со стороны присутствовавших ленинградских учёных. Автора критиковали за декларативность, упрекая, что он «заселил русскими Дори и стал заселять русскими Корсунь», призывали на основе одиночных фактов не делать широких обобщений и осторожности при разработке проблемы. Хотя все признавали: исследования вопроса надо продолжить, сосредоточив внимание на поиске конкретного археологического материала, призывая создать «отряд, который занялся бы вопросом изучения славян в Крыму» [31, л. 102, 119–122].

По итогам состоявшихся заседаний планировалась публикация в Крымгосиздате сборника «Трудов сессий по истории Крыма» под редакцией А. Д. Удальцова. Ключевым «готскому» и «славянскому» вопросам в сборнике посвящались статьи В. П. Бабенчикова «Готы в Крыму» и «Славяне в Крыму», а редактор просил у П. Н. Третьякова и В. И. Равдоникаса дать на них рецензию [37, л. 43, 44]. Внутренними рецензентами выступали Е. В. Веймарн, называвший представленный материал «хорошим и убедительным» и П. Н. Надинский, который высказывал пожелание «сильнее политически заострить критику неправильных (прежних – В. Ю.) взглядов авторов на историю Крыма» [35, л. 36–37, 39, 40–44]. Последний в это время сам работал над научно-популярной книгой «Очерки по истории Крыма». Основным её тезисом был лозунг «Крым – издревле русская земля», поэтому он пристально относился к «славянскому вопросу» [62, с. 278]. В 1949 г. П. Н. Шульц предлагал В. П. Бабенчикову написать сверх плана научно-популярную работу о крымских славянах. Его помощницей в работе должна была стать выпускница Симферопольского Пединститута Т. Н. Троицкая. В. П. Бабенчиков обещал подготовить Т. Н. Троицкую к следующему году в качестве исполнителя «скифской темы», а сам же намеревался полностью переключиться на славянское направление [39, л. 48–61]. Продолжая изучение могильника скифской столицы, он фактически завершил работу над диссертацией и уже в определённой степени тяготился полевыми изысканиями на Неаполе [7; 40, л. 30–32] (рис. 2).

Дело в том, что появилась возможность изучения «славянского вопроса» с привлечением археологических источников. Наиболее перспективным представлялось поселение на плато Тепсень в Коктебеле. В 1929–1931 гг. директор Феодосийского музея Н. С. Барсамов раскопал здесь руины средневековой церкви.

Керамика городища отличалась своеобразием и внешне напоминала керамику Таманского городища, где в X–XI вв. располагался центр древнерусского Тмутараканского княжества [55, с. 6, 252–254]. Наблюдения С. Н. Барсамова поддержал ряд московских учёных, за исключением И. И. Ляпушкина. Последний причислял керамику Тепсень к салтово-маяцкому типу, не имеющему отношения к Древней Руси [24, л. 6–7].

Рис. 2. Т. Н. Троицкая (?) и В. П. Бабенчиков. До 1955 г. (НА ИАКр РАН)

Первые раскопки городища Коктебельским (славяно-русским) отрядом ТСЭ под руководством В. П. Бабенчикова, при участии Областного краеведческого и Ялтинского музеев, состоялись в 1949 г. и учёный был намерен продолжать их и впредь [39, л. 91]. Поселение на плато Тепсень он изначально признавал славянским, существовавшим с VI по XII в. [40, л. 18–20]. Изначально предполагалось, что по «славянской теме» будут работать ещё два отряда: Сурожский и Тмутараканский, но отсутствие финансовых средств не позволило начать их работу. По той же причине из плана была исключена тема «Аланы в Крыму». К концу года учёный планировал представить статью «Находки славянских археологических памятников в Крыму», в которой ставил вопрос об участии Крыма в общем процессе славянского этногенеза [38, л. 13. 30–32].

В. П. Бабенчиков значительное внимание уделял популяризации науки: по линии Общества по распространению политических и научных знаний: читал лекции по теме «Историческое прошлое Крыма», а также принимал участие в Комиссии при облисполкоме по вопросу переименования населённых пунктов и других мест Крыма

[20, л. 8]. В качестве специалиста по Крымской войне его привлекали к восстановлению здания Панорамы в Севастополе [3, с. 100]. В. П. Бабенчиков подготовил научно-популярную брошюру о Неаполе Скифском, которую планировалось издать тиражом в 5000 экз. [19; 38, л. 25–26].

Своими открытиями и гипотезами учёный спешил поделиться со столичными коллегами, подняв вопрос весной 1950 г. на заседании сектора славяно-русской археологии ИИМК [46, л. 83]. Докладывая о раскопках Тепсена, он утверждал: жившие здесь славяне представляли автохтонное население, но в тоже время не отрицал близость найденной керамики к салтово-маяцкой культуре, происхождение которой обычно связывали с аланами [41, л. 1–2]. Однако его доказательства сочли не слишком убедительными [3, с. 100]. Более оптимистично ситуацию оценивали в Крыму. Заместитель директора Херсонесского музея С. Ф. Стржелецкий отмечал: в их коллекции хранится значительное число предметов, так или иначе связанных со славянами и Русью. Правда он высказывал сомнение о начале жизни на Тепсене ещё в VI в. Вместе с тем обращал внимание: материальная культура гипотетических крымских славян не обязательно должна быть идентична Приднепровской, поскольку в ней могла проявляться региональная специфика [41, л. 1–2]. Только так можно было объяснить тот факт, что отдельные «славянские» находки тонут в общей массе древностей иного облика. П. Н. Шульц хотя и рассматривал материалы Тепсена как особый крымский вариант салтово-маяцкой культуры, при этом допускал, что здесь проживало смешанное аланское и славянское, а частично, хазарское и греческое население [60, с. 154–155]. По его мнению, на Тепсене могла находиться загадочная Арсания (Артания) арабских источников X в. – центр «Крымско-Таманского каганата, предшествующий Тмутараканскому княжеству» [41, л. 1, 2]. Подобная постановка вопроса, казалось, выводила крымско-славянскую проблему на качественно новый уровень в плане реконструкции истории становления Древней Руси.

В том же году прокладывалась дорога от Балаклавы в район села Черноречье у подножия Федюхиных высот в Инкерманской долине. При строительстве были обнаружены следы древнего могильника. Спасательные раскопки, предпринятые Инкерманской экспедицией под общим руководством Е. В. Веймарна, показали: захоронения относятся к первым векам новой эры. Работы возглавил В. П. Бабенчиков. В одном из погребений обнаружен типичный кувшин черняховской культуры III – IV вв. Ранее черняховская ваза была выявлена Е. В. Веймарном в Инкерманском могильнике в той же долине [15, с. 18]. Эту культуру тогда считали сугубо славянской и приписывали племени антов. Кроме того, здесь находилось несколько десятков погребений, совершенных по обряду кремации [13, с. 119–121]. Ранее они не встречались в регионе, зато были хорошо известны к северу от полуострова на территории расселения славян. В. П. Бабенчиков не сомневался: ему посчастливилось обнаружить явные следы славянской культуры в Крыму первых веков новой эры, притом не только отдельные вещи, а характерный для них обряд погребения. Обнаруженные здесь склепы отдалённо напоминали сооружения Неаполя Скифского. Казалось найдено «недостающее звено», между

культурой скифов и славянами, а результаты работ, опровергают скепсис столичных коллег. Позднее он даже высказывал мнение, что раскопанный им могильник полностью относится к черняховской культуре, т.е. к славянам, а отличия от

*Рис. 3. Слева направо:
О. А. Махнева, З. Н. Иванова,
В. П. Бабенчиков, С. К. Себекин.
Тепсень. Конец 1950-х гг.
Фото предоставлено
И. И. Вдовиченко*

приднепровских памятников, выразившееся в наличии сармато-аланских элементов, это результат инородного внедрения в славянскую среду. О своих удачных находках он с гордостью писал М. В. Бабенчикову. При этом оставалось «выяснить самый важный вопрос: принесена ли эта культура с Днепра, или развивалась на месте параллельно с днепровской. Иными словами, можно ли говорить о местном происхождении какой-то славянской группы» [3, с. 100–101].

На Тепсене были найдены руины ещё одного крупного храма VIII–X вв. Осматривавший его сотрудник Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры УССР Ю. С. Асеев, разделявший убеждения В. П. Бабенчикова, допускал связь храма с архитектурой Киевской Руси [5, с. 23–30] (рис. 3).

Подводя промежуточные итоги, В. П. Бабенчиков к концу 1950 г. подготовил рукопись статьи «Славяне в Крыму по письменным источникам и памятники материальной культуры». Работа была написана в период, когда развёртывались события, резко изменившие положение в

гуманитарных науках. Имеется в виду т.н. компания по борьбе с «учением Н. Я. Марра». Крымские археологи, понимали его в упрощённом виде: основой исторических этносов являются «автохтоны». Они, проживая издревле на определённой территории, на протяжении истории смешивались, меняли свой язык, культуру, названия в зависимости от стадий-формаций, а роль миграций и влияний в этом процессе была незначительной. Теперь же этому подходу было противопоставлено мнение И. В. Сталина, утверждавшего, что при скрещивании языков побеждает лишь один из них [57, с. 70]. При этом среди археологов сформировалась устойчивая тенденция отождествления того или иного типа археологических памятников с конкретными историческими этносами и народами.

Статья суммировала результаты прошлых наблюдений с привлечением недавних археологических находок. В ней Причерноморье и Крым представлялись в качестве одного из очагов формирования славянской культуры. Своей задачей В. П. Бабенчиков считал «выяснение вопроса, происходил ли процесс этногенеза

славянских племён и на территории Крыма, как в местностях, расположенных севернее, какие именно были крымские росы, и отличались ли от росов Киевщины, и несколько глубоко уходят в древность корни этого славянского племени на территории Крыма». Эту проблему он рассматривал в связи с племенем роксоланов (росов-аланов). Данная идея, высказанная ещё до революции, поддерживалась целым рядом влиятельных историков: С. П. Толстовым, М. А. Артамоновым, П. Н. Третьяковым и др. Как подтверждение выдающейся роли алан В. П. Бабенчиков приводил известные мнения об основании ими Судака, Ардабды и Фулл-Чуфут-Кале. Археологическим отображением их культуры он считал раннесредневековые могильники Чуфут-Кале (Фуллы) и Эски-Кермена (Дороса). В отношении последнего это означало: поскольку здесь «имеется большой аланский могильник типа Суук-Су», значит здесь жили в том числе и росы. В качестве археологических аргументов для более ранней эпохи приводились находки из Инкерманской долины, а для более поздней – салтово-маяцкая (аланская) керамика Тепсенья. В итоге В. П. Бабенчиков предлагал «считать алан – продуктом местного процесса этногенеза», а отнюдь не иранцами-мигрантами. Все это, по его мнению, означало прямое участие аланов в этногенезе славянства, т.е. позволяло говорить «об этнической преемственности, если не о прямом родстве». Относительно Тепсенья он делал вывод «...пульс жизни славянства бьётся здесь сначала в лице одного из компонентов южной группы восточного славянства – алан, носителей изобилующей здесь салтово-маяцкой культуры, постепенно славянизирующихся, а позднее, когда процесс славянизации закончился, мы находим здесь славян, по-видимому, росов», в «результате скрещивания двух языков <...> победил, очевидно, русский язык» [23, л. 6, 8–12, 22–47]. Таким образом, В. П. Бабенчиков виртуозно соединил «автохтонную» (скифо-славянскую) версию, с новым видением этногенеза. Безусловно, с современной точки зрения предложенная В. П. Бабенчиковым схема содержит ряд логических противоречий и допущений, выдаваемых за установленные факты. Однако, как рабочая гипотеза вполне приемлема для своего времени, тем более, что она актуализировала вопрос об Азово-Черноморской Руси.

Коллектив крымских археологов, переименованный к этому времени в Отдел истории и археологии Крымского филиала АН СССР (далее – ОИА), так же не остался в стороне от компании по борьбе с наследием «марризма» [42, л. 1–41]. Проявленные в первые послевоенные годы чрезмерно патриотические настроения, зачастую декларативные, своего рода «славянский романтизм», стали приносить свои плоды уже за пределами академической среды. Теперь они выглядели довольно тревожными, особенно в период, когда мнение об «автохтонном» происхождении славянской культуры в Крыму было подвергнуто критике как «марристское» [64, с. 238–247]. Пример тому, лекция краеведа М. Н. Макарова «Историческое прошлое Крыма», из которой следовало, что «Крым – колыбель русской истории». Рецензию на неё готовил В. П. Бабенчиков. В ней он указывал на ряд фактических ошибок и заключал «Не нужно этих ура-патриотических вывертов, не нужно фальши и подтасовки фактов. Без них можно доказать величие пройденного пути нашим народом-героем» [43, л. 84–89]. По поводу лекции состоялась оживлённая дискуссия.

Не менее эмоциональным выглядело и обсуждение вступительной статьи В. П. Бабенчикова «Памятники истории и археологии», заказанной Крымиздатом к готовившемуся альбому. Рецензенты высказывали претензии в связи со ссылками на «марристов» М. И. Артамонова и Б. Н. Гракова, а Е. В. Веймарн, вообще рекомендовал «не выдавать находки с Тепсены за славянские» [45, л. 18–25, 36–39].

Ещё до начала борьбы с «марризмом» был составлен план научной работы ОИА на новую пятилетку (1951–1956 гг.). В рамках общей проблемы «Значение аборигенного населения в историческом развитии древнего и средневекового Крыма», выделялась тема «Возникновение и развитие феодальных отношений в Крыму (страна Дори, Сурож, Коктебель, Корчев, Тмутараканские владения в Крыму)» [44, л. 10–18]. Её руководителем был назначен Е. В. Веймарн как имевший учёную степень [68, с. 194]. А. Д. Удальцов полностью устранился от «славянского вопроса». Данное обстоятельство вызвало у В. П. Бабенчикова определённую насторожённость, хотя формально он и оставался исполнителем раздела «Славяне в Крыму», который должен был завершиться его монографией [3, с. 102]. Помимо этого, он к 1953 г. планировал подготовку ещё одной монографии «Средневековое поселение в селе Планерском (б. Коктебель)» [45, л. 36–39].

В. П. Бабенчиков в начале 1951 г. на заседании ОИА и на пленуме ИИМК сделал доклад «Вопрос об аланах и славянах в Восточном Крыму в свете исследования городища близ с. Планерское (б. Коктебель) в 1949–50 гг.». Развивая прежнюю гипотезу, он настаивал: «в результате ассимиляции с русскими, они (роксоланы-аланы – В. Ю.) в значительной своей части приняли культуру и язык русских, то есть славянизировались, сохранив только ещё на некоторое время своё имя». [45, л. 32–52]. В рукописи «Средневековое поселение у с. Планерское (б. Коктебель) в связи с вопросом о салтово-маяцкой и славянской культуре», подготовленной к концу 1951 г., вновь затронута проблема находок салтово-маяцкой керамики в Крыму. Но теперь она рассматривалась уже не как показатель культуры аланов, а признак болгарской культуры. Он писал: «...болгарскую культуру, как таковую в Крыму и в частности у Коктебеля на Тепсене, можно поставить под сомнение и рассматривать как южнорусскую», городище относить к росам, а масштабный храм Тепсены связывать с русской епархией [24, л. 80–91]. Это был первый случай, когда древние болгары упоминались в связи с памятниками восточного Крыма. Возможно, позиция является отголоском заочной полемики с А. П. Смирновым, занимавшимся изучением культуры Волжской Болгарии [58, с. 61]. Последний, рецензируя статью В. П. Бабенчикова «Славяне в Крыму» для «Трудов сессии по истории Крыма», отмечал слабую аргументацию выводов, в частности несогласие с положением, что тавро-скифы средневековых источников идентичны русским, отмечая противоречия в характеристике археологического материала. Хотя сам рецензент признавал себя сторонником раннего проникновения славян в Крым, с присущей ему корректностью, отмечал «Учитывая большую политическую актуальность этой проблемы и некоторую спорность её, считаю, что выступать в печати можно только с хорошо обоснованными и документированными положениями, а рецензируемая работа

В. П. Бабенчикова не внесёт ясность в этот вопрос». В итоге не рекомендовал её к печати [46, л. 87].

По итогам исследований Тепсенья, В. П. Бабенчиков направил в Москву свою статью через А. Д. Удальцова. Однако её рукопись, как утверждалось, была утеряна [25, л. 19; 45, л. 16, 17, 110]. Она в переработанном виде опубликована лишь в 1953 г. В ней автор признавал: керамика городища относится к салтово-маяцкой (аланской) культуре, но «с наличием видов, характерных для славянской керамики» [11, с. 116].

В 1951 г. у с. Морское (Чобан-Куле) были выявлены остатки печей по обжигу амфор, подобных найденным на Тепсене. П. Н. Шульц поставил вопрос о привлечении к изучению ИИМК в лице А. Л. Якобсона, а для работ на Тепсене М. А. Фронджуло [45, л. 5, 6, 18, 104–112].

Е. В. Веймарн, став руководителем темы, включавшей и «славянский вопрос», не преминул выразить свою позицию. Её отразила работа, подготовленная в соавторстве с С. Ф. Стржелецким. Суть её сводилась к следующему: славяне появились в Крыму не в итоге стадийного развития скифов, а как результат миграции в III жителей Поднепровья. Авторы стремились оперировать, прежде всего, археологическими данными, в частности материалами из Инкеманской долины, дополнив их находками пальчатых фибул VI – VII вв. в могильниках «типа Суук–Су». Но о находках В. П. Бабенчикова из Тепсенья не было ни слова! Содержала статья и прямую критику «марристской» скифо-славянской позиции П. Н. Шульца. Это вызвало противостояние с руководителем ОИА [69, с. 213–217]. В. П. Бабенчиков в нем, похоже, участия не принимал, но вероятно не был в восторге от игнорирования его разработок. Впоследствии Е. В. Веймарн признавал, что необходимо «...лучше наладить руководство (темой – В. Ю.). В этой связи большее внимание оказывать Коктебелю» [45, л. 16, 17, 108, 110].

Борьба с «марризмом» и порождённым им «автохтонизмом» привела к созыву в Симферополе весной 1952 г. Объединённой научной сессии Отделения истории и филологии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма (далее – Сессия 1952 г.) Первоначально предполагалось, что с докладом «Славяне в Крыму» выступит В. П. Бабенчиков. Однако в Москве рассудили иначе, и программный доклад по данному вопросу делал Б. А. Рыбаков, фактически принявший миграционную версию Веймарна-Стржелецкого [67, с. 280]. При этом следует отметить, что поднятый В. П. Бабенчиковым вопрос о сходстве керамики Тепсенья и Тамани, по всей видимости, в определённой степени стимулировал масштабные раскопки, вскоре предпринятые Б. А. Рыбаковым на городище летописной Тмутаракани.

Как и планировалась, по итогам работы над разделом в 1952–1953 гг. В. П. Бабенчиков подготовил монографическое исследование «Раскопки средневекового поселения близ с. Планерского в 1949–1950 гг. в связи с вопросом об аланах и славянах в Крыму», которое неоднократно исправлял и дополнял, руководствуясь решениями Сессии 1952 г. [22].

Не отказался от исследований по «славянскому вопросу» и Е. В. Веймарн. К началу 1954 г. он подготовил объёмную рукопись «Славянские древности Крыма», в

которой постарался систематизировать все накопленные данные. Упомянул он и о находках спорной керамики с Тепсеня, поселений Керченского полуострова и из Судака. Правда сделал это вскользь, указав, что «её глубокое изучение, а также выделение из её массы славянской керамики <...> является одной из очередных и насущных задач археологов» [21, л. 34, 37]. Рецензентом работы выступал В. П. Бабенчиков, предпринявший построчный и довольно придирчивый разбор [30, л. 58–62]. Судя по всему, отношения между учёными оставались прохладными. Даже на склоне лет на вопрос о В. П. Бабенчикове Е. В. Веймарн предпочёл воздержаться от подробных комментариев [16, с. 364–365].

Что касается полевых работ Коктебельского отряда, руководителем которого оставался В. П. Бабенчиков, в 1952 г. он завершил раскопки храма, Е. В. Веймарн начал работы на могильнике, а А. Л. Якобсон провёл раскопки гончарной печи у с. Морское. Тогда же был поставлен вопрос о создании в 1953 году Славяно-крымской экспедиции КФ АН СССР [47, л. 28, 38].

В. П. Бабенчиков уже не замыкался в пределах юго-восточного Крыма, собирая по всему полуострову сведения о керамике, аналогичной тепсеньской [51, л. 21–22]. Под его руководством исследована печь для обжига амфор VIII – X вв. в районе Мисхора на Южнобережье [10, с. 111–112; 12, с. 275–280]. В рукописях 1953–1954 гг., подводящих итоги прежних лет, В. П. Бабенчиков констатировал распространение характерных для Тепсеня типов керамики по всему Крыму, а также на Тамани, настаивая на условности наименовании их «салтово-маяцкими». По этой проблеме В. П. Бабенчиков подготовил рукопись статьи «Средневековые поселения и ремесленные центры юго-восточного Крыма в связи с вопросом о славянах в Крыму» [49, л. 20]. По его мнению, факт местного производства подобной керамики «даёт основание предполагать, что жизнь в этих местах юго-восточного Крыма не прерывалась с IV в. н.э. <...>, а посуда <...> будет восходить <...> к гончарным изделиям более раннего времени» [22, л. 91–94]. Керамику «тепсеньского типа», включая тарную, по его мнению, следовало рассматривать как вариант местной «Северо-причерноморской керамики раннего средневековья», ставшей результатом развития культурных традиций местных «северо-причерноморских племён и народностей». По его мнению, её сопоставление с посудой раннесредневековых «дотмутараканских» слоёв Таманского и Керченского полуостровов, «позволит поставить вопрос о роли в формировании юго-восточных славянских племен» [26, л. 94–105]. Идею об особой «северо-причерноморской культуре» позднее пытался развивать М. А. Фронджуло. Но новая археологическая культура так и не утвердилась в науке. Своеобразным её «рудиментом» стало наименование крымских амфор VIII – X вв. «причерноморскими». Это термин, благодаря авторитету А. Л. Якобсона, органично прижился в археологии [70, с. 108; 71, с. 32]. Однако о его происхождении мало кто помнит, хотя он непосредственно связан с деятельностью В. П. Бабенчикова.

Не отказываясь от своих прежних взглядов, теперь ученный был уже не столь категоричен, когда речь шла о средневековых славянах юго-восточного Крыма. Тем более что «славянский вопрос» после 1954 г. фактически утратил прежнюю

актуальность [65, с. 187]. При всем противоречивом отношении к салтово-маяцкой культуре, учёный фактически стал пионером в её изучении на полуострове. Хотя сам считал иначе. После его раскопок стало очевидным, что культура юго-восточного Крыма VIII–X вв. явно отличается от «классических» салтово-маяцких древностей: христианское исповедание населения, погребальный обряд, каменное домостроительство, связанные с ними центры производства амфор.

По материалам готовившейся диссертации в 1954 г. В. П. Бабенчиков подготовил большую статью «Некрополь Неаполя Скифского», и снова принял участие в небольших охранных раскопках городища [51, л. 21–22].

В 1956 г. коллектив крымских археологов, включая В. П. Бабенчикову, стал основой Отдела античной и средневековой археологии (далее – ОАСА) в составе Института археологии АН УССР (далее – ИА АН УССР). Руководство и основные направления научной работы в целом сохранились. В 1958 г. В. П. Бабенчиков защитил кандидатскую диссертацию [9]. Её основные положения изложены в статье, опубликованной накануне [8]. В них этнические проблемы занимали гораздо меньше места. Автор рассматривал сарматские влияния на скифов со II в. до н.э. до III столетия, датировал прекращение жизни на городище IV в., обусловленное гуннским вторжением. После этого, по его мнению, жизнь концентрировалась в горах вокруг «пещерных городов», а распространившиеся здесь склепы продолжали традицию скифских [28, л. 151–155]. Статья, подводившая итог многолетним раскопкам Тепсея, вышла в 1958 г. [11, с. 88–146].

В этот период крымские археологи приступили к подготовке научно-популярной книги по истории и археологии полуострова. Предполагалось, что в ней будет раздел «Славяне в Крыму и Тмутараканское княжество», написанный В. П. Бабенчиковым [54, л. 1–6]. Позиция, высказанная в подготовленной рукописи, в целом сходна с мнением Е. В. Веймарна, разве что более пристальное внимание уделено находкам из Тепсея. Учитывая спорные аспекты, автор в итоге заключал «археологические находки с несомненностью подтверждают проживание в Крыму славян, особенно с X в.», т.е. со времени Тмутараканского княжества [29, л. 21, 36].

В ОАСА В. П. Бабенчиков работал в рамках темы «Крым в период раннего средневековья», руководимой Е. В. Веймарном, подготовив в 1959–1960 гг. две итоговых работы: «Аланы в Крыму» и «Готы в Крыму». Показательно, что если прежде он стремился показать широкое распространение в Крыму «аланской культуры», то теперь, наоборот всячески приуменьшал роль аланов в средневековом Крыму, подчёркивая, что письменные источники не подтверждают их пребывание в раннем средневековье, в том числе и в антропологическом материале [50, л. 78–81]. В работе «Недоразумения в этнической географии», написанной в 1961 г., он вообще ставил под сомнение использование «этнических признаков» в археологии, имея в виду типы керамики, погребений, т.е. казавшуюся бесспорной идентификацию археологической культуры и этноса [53, л. 45–46]. Подобная позиция, конечно, обусловлена проблемой салтово-маяцкой культуры Тепсея. Более лояльным стал и его подход к теме крымских готов, при этом вопросы «готской археологии» он вообще предпочитал не затрагивать [52, л. 94–97]. В последние годы на Тепсене

В. П. Бабенчиков переключился на раскопки некрополя [55, с. 119]. Но учёному уже исполнилось более семидесяти лет и полевые исследования юго-восточного Крыма принял на себя М. А. Фронджуло. В 1961 г. В. П. Бабенчиков вышел на пенсию. Но прожил ещё довольно длительное время и скончался в 1974 г. (рис. 4).

Рис. 4. В. П. Бабенчиков с женой. Конец 1960-х гг. (по: Акимченков, 2012)

Подводя итоги послевоенной научной деятельности В. П. Бабенчикова стоит обратить внимание на ряд аспектов.

1. До середины 1950-х гг. он придерживался точки зрения о формировании славянской культуры в Крыму на основе скифской. Его открытия на некрополе внесли ощутимый вклад в изучение Неаполя.

2. В поисках материальных свидетельств культуры крымских славян он наибольшее внимание уделял поселению VIII – X вв. на плато Тепсень в Коктебеле, предшествующего, по его мнению, древнерусскому Тмутараканскому княжеству на Тамани.

3. Он поднял вопрос о крымских аланах (роксаланах) как о группе населения, имевшей отношение к формированию крымских славян и «Причерноморской Руси». Раннесредневековые могильники, ранее считавшиеся готскими, предлагал атрибутировать как аланские. В «аланском вопросе» учёный пришёл путь от преувеличения до скепсиса.

4. Учёный был автором первого послевоенного сочинения о крымских готах. В нем он предложил рассматривать их как малочисленную группу населения, не

обладавшую собственной материальной культурой. Этот подход закрепили решения Сессии 1952 г., действовавшие в крымской науке фактически до эпохи Перестройки.

5. Несмотря на неоднозначное отношение к салтово-маяцкой культуре (точнее к её этической атрибуции), он стал первым исследователем древностей этого типа на полуострове. Определил особенности этой культуры в регионе.

6. Его попытка выделить особую «тепсеньскую» или «причерноморскую» археологическую культуру VIII – X вв., восходящую к культуре позднеантичного Боспора, не была принята научным сообществом. Однако память о ней отразилась в наименовании особого типа средневековых амфор крымского производства.

7. Гипотезы В. П. Бабенчикова поддерживали в основном крымские коллеги, столичные же археологи были настроены более критично.

8. Несмотря на зачастую декларативные высказывания и заблуждения, все годы В. П. Бабенчиков оставался сторонником «славянского Крыма» и патриотом своей Родины. Результаты его полевых исследований обогатили отечественную археологию и до сих пор остаются востребованными в научной среде.

Список использованных источников и литературы

1. Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / Под ред. А. А. Непомнящего. – Киев–Симферополь: Антиква, 2012. – 120 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 17).
Akimchenkov V. V. «Akademiya v miniatyure»: Sevastopol'skij muzej kraevedeniya (1923–1939). – Kiev-Simferopol': Antikva, 2012. – 120 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 17).
2. Акимченков В. В. В борьбе за советский патриотизм. Севастопольское музейное объединение (1928–1940) / Под ред. А. А. Непомнящего. – Москва; Симферополь: Антиква, 2015. – 244 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 24).
Akimchenkov V. V. V bor'be za sovetskij patriotizm. Sevastopol'skoe muzejnoe ob''edinenie (1928–1940). – Moskva; Simferopol': Antikva, 2015. – 244 s. – (Seriya: «Biobibliografiya kry'movedeniya»; vy'p. 24).
3. Акимченков В. В. Патриарх крымской археологии: новые источники к биографии Владимира Петровича Бабенчикова // Историческое наследие Крыма. – Симферополь: Антиква, 2018. – С. 91–104.
Akimchenkov V. V. Patriarx kry'mskoj arheologii: novy'e istochniki k biografii Vladimira Petrovicha Babenchikova // Istoricheskoe nasledie Kry'ma. – Simferopol': Antikva, 2018. – S. 91–104.
4. Акимченков В. В. «Старые опытные археологические разведчики»: братья Бабенчиковы // Гераклеяский сборник. – Вып. I («Гераклеяский сборник 1936 г.»). – СПб.: Алетейя, 2019. – С. 25–48.
Akimchenkov V. V. «Starye opytne arheologicheskie razvedchiki»: brat'ya Babenchikovy // Geraklejskij sbornik. – Vyp. I («Geraklejskij sbornik 1936 g.»). – SPb.: Aleteja, 2019. – S. 25–48.
5. Асеев Ю. С. Архітектурно-археологічні дослідження в Криму // Вісник Академії архітектури УРСР. – 1951. – № 3(21). – С. 23–30.
Aseev Yu. S. Arhitekturno-arheologichni doslidzhennya v Krimu // Visnik Akademii arhitekturi URSR. – 1951. – № 3(21). – S. 23–30.
6. Бабенчиков В. П. Из истории Крымской Готии // Известия Государственной академии истории материальной культуры. – 1935. – № 117. – С. 145–155.
Babenchikov V. P. Iz istorii Kry'mskoj Gotii // Izvestiya Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury. – 1935. – № 117. – S. 145–155.
7. Бабенчиков В. П. Новый участок некрополя Неаполя Скифского // Вестник древней истории. – 1949. – № 1. – С. 111–119.
Babenchikov V. P. Novy'j uchastok nekropolya Neapolya Skifskogo // Vestnik drevnej istorii. – 1949. – № 1. – S. 111–119.
8. Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. – Киев: АН УССР., 1957. – С. 94–141.

- Babenchikov V. P. Nekropol' Neapolya Skifskogo // Istoriya i arheologiya drevnego Kry'ma. – Kiev: AN USSR., 1957. – S. 94–141.
9. Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя Скифского: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1957. – 16 с.
- Babenchikov V. P. Nekropol' Neapolya Skifskogo: avtoref. dis.... kand. ist. nauk. – Kiev, 1957. – 16 s.
10. Бабенчиков В. П. Средневековая гончарная печь в Мисхоре // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1957. – №7. – С. 111–112.
- Babenchikov V. P. Srednevekovaya goncharnaya pech' v Misxore // Kratkie soobshheniya Instituta arheologii AN SSSR. – 1957. – №7. – С. 111–112.
11. Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 88–146.
- Babenchikov V. P. Itogi issledovaniya srednevekovogo poseleniya na holme Tepsen' // Istoriya i arheologiya srednevekovogo Kry'ma. – М.: АН СССР, 1958. – С. 88–146.
12. Бабенчиков В. П. Раннесредневековая гончарная печь в Мисхоре // Записки Одесского археологического общества. – 1960. – Т. 1(34). – С. 275–280.
- Babenchikov V. P. Rannesrednevekovaya goncharnaya pech' v Misxore // Zapiski Odesskogo arheologicheskogo obshhestva. – 1960. – Т. 1(34). – С. 275–280.
13. Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. – 1963. – Т. XIII. – С. 90–123.
- Babenchikov V. P. Chornorichens'kij mogil'nik // Arheologichni pam'yatki URSR. – 1963. – Т. XIII. – С. 90–123.
14. Библиографический справочник: публикации сотрудников за 1948–2022 годы: к 75-летию Института археологии Крыма РАН / Ин-т археологии Крыма РАН; Ред.-сост. Н. Д. Денисенко. – Симферополь: Ариал, 2023. – 456 с. – (Серия: «История академической археологии Крыма»; вып. 1).
- Bibliograficheskij spravochnik. Publikacii sotrudnikov za 1948–2022 gody' [seriya: istoriya akademicheskoy arheologii Kry'ma. Vy'p. 1]. – Simferopol': Arial, 2023. – 456 s.
15. Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. – 1963. – Т. XIII. – С. 15–42.
- Vejmarn E. V. Arheologichni roboti v rajoni Inkermana // Arheologichni pam'yatki URSR. – 1963. – Т. XIII. – С. 15–42.
16. Дворченко Е. П., Вдовиченко И. И. Е. В. Веймарн и Бахчисарай // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь: Антиква, 2008. № 3. – С. 362–367.
- Dvorchenko E. P., Vdovichenko I. I. E. V. Vejmar'n i Baxchisaraj // Baxchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik. – Simferopol': Antikva, 2008. – № 3. – С. 362–367.
17. Зайцев В. П. История изучения Неаполя Скифского (1945–1999 гг.) // У Понта Эвксинского: памяти Павла Николаевича Шульца / Сост. С. Г. Колтухов, С. Б. Ланцов, А. Е. Пуздровский. – Симферополь, 2004. – С. 36–40.
- Zajcev V. P. Istoriya izucheniya Neapolya Skifskogo (1945–1999 gg.) // U Ponta E'vksinskogo: pamyati P. N. Shul'c'a. – Simferopol', 2004. – С. 36–40.
18. Научный архив Института археологии Крыма РАН (далее – НА ИАКР РАН), ф. Л–14, оп 1, д. 3, 120 л.
- NA IAKr RAN, f. L–14, op 1, d. 3, 120 l.
19. НА ИАКР РАН, ф. Л–14, оп. 1, д. 5, 24 л.
- NA IAKr RAN, f. L–14, op. 1, d. 5, 24 l.
20. НА ИАКР РАН, ф. Л–14, оп. 1, д. 6, 19 л.
- NA IAKr RAN, f. L–14, op. 1, d. 6, 19 l.
21. НА ИАКР РАН, ф. Л–10, оп 1, д. 8, 75 л
- NA IAKr RAN, f. L–10, op 1, d. 8, 75 l.
22. НА ИАКР РАН, ф. Л–14, оп. 1, д. 10, 94 л.
- NA IAKr RAN, f. L–14, op. 1, d. 10, 94 l.
23. НА ИАКР РАН, ф. Л–14, оп. 1, д. 12, 47 л.
- NA IAKr RAN, f. L–14, op. 1, d. 12, 47 l.

24. НА ИАКр РАН, ф. Л-14, оп. 1, д. 16, 100 л.
NA IAKr RAN, f. L-14, op. 1, d. 16, 100 l.
25. НА ИАКр РАН, ф. Л-14, оп. 1, д. 19, 25 л.
NA IAKr RAN, f. L-14, op. 1, d. 19, 25 l.
26. ИАКр РАН, ф. Л-14, оп. 1, д. 25, 106 л.
IAKр RAN, f. L-14, op. 1, d. 25, 106 l.
27. НА ИАКр РАН, ф. Л-14, оп. 1, д. 26, 117 л.
NA IAKr RAN, f. L-14, op. 1, d. 26, 117 l.
28. НА ИАКр РАН, ф. Л-14, оп. 1, д. 29, 160 л.
NA IAKr RAN, f. L-14, op. 1, d. 29, 160 l.
29. НА ИАКр РАН, ф. Л-14, оп. 1, д. 34, 31 л.
NA IAKr RAN, f. L-14, op. 1, d. 34, 31 l.
30. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 4, 77 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 4, 77 l.
31. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 5, 135 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 5, 135 l.
32. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 6, 109 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 6, 109 l.
33. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 7, 97 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 7, 97 l.
34. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 8, 144 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 8, 144 l.
35. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 10, 97 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 10, 97 l.
36. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 14, 10 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 14, 10 l.
37. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 15, 41 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 15, 41 l.
38. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 18, 35 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 18, 35 l.
39. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 21, 145 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 21, 145 l.
40. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 22, 105 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 22, 105 l.
41. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 23, 77 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 23, 77 l.
42. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 24, 137 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 24, 137 l.
43. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 27, 104 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 27, 104 l.
44. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 29, 38 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 29, 38 l.
45. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 31, 127 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 31, 127 l.
46. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 32, 134 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 32, 134 l.
47. НА ИАКр РАН, ф. Р-2, оп. 2, д. 35, 127 л.
NA IAKr RAN, f. R-2, op. 2, d. 35, 127 l.
48. НА ИАКр РАН, ф. 1, оп. 2, 1945, д. 1А, 186 л.
NA IAKr RAN, f. 1, op. 2, 1945, d. 1A, 186 l.
49. ИАКр РАН НА, ф. 3, оп. 1, д. 6, 20 л.
IAKр RAN NA, f. 3, op. 1, d. 6, 20 l.

50. ИАКр РАН НА, ф. 3, оп. 2, д. 7, 17 л.
IAK^r RAN NA, f. 3, op. 2, d. 7, 17 l.
51. ИАК РАН НА, ф. 3, оп. 1, д. 8, 36 л.
IAK RAN NA, f. 3, op. 1, d. 8, 36 l.
52. ИАКр РАН НА, ф. 3, оп. 2, д. 9, 32 л.
IAK^r RAN NA, f. 3, op. 2, d. 9, 32 l.
53. ИАКр РАН НА, ф. 3, оп. 2, д. 10, 38 л.
IAK^r RAN NA, f. 3, op. 2, d. 10, 38 l.
54. ИАКр РАН НА, ф. 3, оп. 1, д. 11, 24 л.
IAK^r RAN NA, f. 3, op. 1, d. 11, 24 l.
55. Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. – Киев: Академперіодика, 2004. – С. 314.
Majko V. V. Srednevekovoe gorodishhe na plato Tepsen' v Yugo-Vostochnom Kry'mu. – Kiev: Akadempіerodika, 2004. – S. 314.
56. Чемодуров Н. Н. Деятельность Таро-Скифской экспедиции: к 75-летию научного предприятия // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). – Симферополь, 2020. – Т. 6. – С. 260–283.
Chemodurov N. N. Deyatel'nost' Taro-Skifskoj e'kspedicii: k 75-letiyu nauchnogo predpriyatiya // Kry'm v sarmatskuyu e'poxu (II v. do n.e' – IV v. n.e'). – 2020. – T. 6. – S. 260–283.
57. Шарадзенидзе Т. С. Процессы дифференциации и интеграции языков в свете учения и. В. Сталина // Вопросы языкознания. – 1952. – № 1. – С. 65–79.
Sharadzenidze T. S. Processy' differenciacii i integracii yazy'kov v svete ucheniya i. V. Stalina // Voprosy' yazy'koznaniya. – 1952. – № 1. – S. 65–79.
58. Шарифуллин Р. Ф. К истории археологического изучения Болгара // Поволжская археология. – 2014. – № 3(9). – С. 56–74.
Sharifullin R. F. K istorii arxeologicheskogo izucheniya Bolgara // Povolzhskaya arxeologiya. – 2014. – № 3(9). – S. 56–74.
59. Шульц П. Н. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. – 1946. – № 2. – С. 97–116.
Shul'cz P. N. Tavro-skifskaya arxeologicheskaya e'kspediciya v Kry'mu // Sovetskij Kry'm. – 1946. – № 2. – S. 97–116.
60. Шульц П. Н. Историко-археологические исследования в Крыму (1920–1950) // Крым. – 1950. – № 6. – С. 145–157.
Shul'cz P. N. Istoriko-arxeologicheskie issledovaniya v Kry'mu (1920–1950) // Kry'm. – 1950. – № 6. – S. 145–157.
61. Юрочкин В. Ю. Готский вопрос. – Симферополь: Сонат, 2017. – 495 с.
Yurochkin V. Yu. Gotskij vopros. – Simferopol': Sonat, 2017. – 495 s.
62. Юрочкин В. Ю. Из истории создания первой части «Очерков по истории Крыма» П. Н. Надинского // История и археология Крыма. – Симферополь, 2017. – Вып. 6. – С. 277–293.
Yurochkin V. Yu. Iz istorii sozdaniya pervoj chasti «Oчерkov po istorii Kry'ma» P. N. Nadinskogo // Istoriya i arxeologiya Kry'ma. – Simferopol', 2017. – Vy'p. 6. – S. 277–293.
63. Юрочкин В. Ю. Первая послевоенная статья о крымских готах (неизданная рукопись В. П. Бабенчикова) // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». – Симферополь: Бизнес-Информ, 2018. – С. 295–300.
Yurochkin V. Yu. Pervaya poslevoennaya stat'ya o kry'mskix gotax (neizdannaya rukopis' V. P. Babenchikova) // Materialy' VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Voenno-istoricheskie chteniya». – Simferopol': Biznes-Inform, 2018. – S. 295–300.
64. Юрочкин В. Ю. П. Н. Шульц и П. Н. Третьяков: к истории несостоявшейся дискуссии о крымских славянах // История и археология Крыма. – 2019. – Вып. 9. – С. 238–247.
Yurochkin V. Yu. P. N. Shul'cz i P. N. Tret'yakov: k istorii nesostoyavshejsya diskussii o kry'mskix slavyanax // Istoriya i arxeologiya Kry'ma. – 2019. – Vy'p. 9. – S. 238–247.
65. Юрочкин В. Ю. «Славянский вопрос» и академическая археология в послевоенном Крыму: к 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901–1983) // Российская археология. – 2021. – № 4. – С. 179–189.

Yurochkin V. Yu. «Slavyanskij vopros» i akademicheskaya arxeologiya v poslevoennom Kry'mu. K 120-letiyu Pavla Nikolaevicha Shul'cza (1901–1983) // Rossijskaya arxeologiya. – 2021. – № 4. – S. 179–189.

66. Юрочкин В. Ю. Народы–воители в этногенетических мифах средневековья и нового времени // Материалы IX Всероссийской научно–практической конференции «Военно–исторические чтения». Симферополь: Бизнес-Информ, 2021. – С. 292–298.

Yurochkin V. Yu. Narody'–voiteli v e'tnogeneticheskix mifax srednevekov'ya i novogo vremeni // Materialy' IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Voenno–istoricheskie chteniya». Simferopol': Biznes-Inform, 2021. – S. 292–298.

67. Юрочкин В. Ю. Крымская сессия 1952 г. – рубежное событие в крымской археологии // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2024. – № 3(2024). – С. 272–284.

Yurochkin V. Yu. Kry'mskaya sessiya 1952 g. – rubezhnoe soby'tie v kry'mskoj arxeologii // Problemy' istorii, filologii, kul'tury'. – 2024. – № 3(2024). – S. 272–284.

68. Юрочкин В. Ю. От Инкермана до Мангупа // Учёные записки КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 194–218.

Yurochkin V. Yu. Ot Inkermana do Mangupa // Ucheny'e zapiski KFU im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2025. – T. 11, № 2. – S. 194–218.

69. Юрочкин В. Ю., Майко В. В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи (глава 8) // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. – СПб., 2017. – С. 157–231.

Yurochkin V. Yu., Majko V. V. Goty', skify', slavyane: e'tnicheskie kul'bity' kry'mskoj arxeologii poslevoennoj e'poxi (glava 8) // Neizvestny'e stranicy arxeologii Kry'ma: ot neandertal'cev do genue' zcev. – SPb., 2017. – S. 157–231.

70. Якобсон А. Л. Средневековые гончарные печи в районе Судака // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1955. – Вып. 60. – С. 102–109.

Yakobson A. L. Srednevekovy'e goncharny'e pechi v rajone Sudaka // Kratkie soobshheniya Instituta istorii material'noj kul'tury'. – 1955. – Vy'p. 60. – S. 102–109.

71. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Ленинград: Наука, 1979. – 165 с.

Yakobson A. L. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoj Tavriki. – Leningrad: Nauka, 1979. – 165 s.

Yurochkin V. Yu. V. P. Babenchikov and Crimean Academic Archaeology: 140th Anniversary of His Birth

The article is devoted to the post-war scientific activity of the Crimean scientist Vladimir Petrovich Babenchikov (1885–1974), whose name remained little known in the history of archeology for a long time. The pre-war period of his museum and local history work took place in the city of Sevastopol and was studied in detail by V. V. Akimchenkov. After the Great Patriotic War, V. P. Babenchikov held the position of chief custodian of the Central Museum of Crimea in Simferopol. In 1945, P. N. Schultz involved him in the research of the Tauro-Scythian archaeological expedition. Under his leadership, since 1948, V. P. Babenchikov worked on a permanent basis in the History and Archeology Sector of the Crimean Scientific Research Base and the scientific divisions created on its basis. The main area of his scientific interests were the problems of the ethnic history of the peninsula, primarily the question of the ancient Slavs in Crimea. V. P. Babenchikov contributed to the study of burial grounds of the southwestern Crimea of the first centuries of our era, medieval monuments of the southeastern Crimea - the settlement of Tepsen and the surrounding area, the necropolis of Scythian Neapolis, dedicating his candidate's dissertation to the latter. His research works are imbued with the spirit of sincere patriotism, love for his homeland, his people and their ancestors. When working on the article, numerous documents from the archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences were used, which had not been previously used.

Keywords: Crimea, V. P. Babenchikov, archeology, Inkerman Valley, Tepsen, Koktebel, Slavs, Alans, Goths.